

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ. ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА

Около 285 г. н. э. в Наиссусе, у цезаря Флавия Валерия Констанция I Хлора, римского наместника в Галлии, и его жены Елены Флавий родился сын Флавий Валерий Константин. Сам Констанций Хлор был человеком скромным, мягким и учтивым. В религиозном отношении он был монотеистом, поклонялся богу солнца Солу, который во времена Империи отождествлялся с восточными божествами, в особенности с персидским богом света Митрой — богом солнца, богом договора и согласия. Именно этому божеству он и посвятил свою семью. Елена же, по одним источникам, была христианкой (в окружении Констанция было много христиан, и он относился к ним очень доброжелательно), по другим — язычницей. В 293 г. Констанций и Елена вынуждены были развестись по политическим мотивам, но бывшая жена занимала по-прежнему почётное место при его дворе. Сына Констанций должен был с юных лет отправить ко двору императора Диоклетиана в Никомедию.

К тому времени христианская церковь играла уже очень большую роль в жизни Империи и христианами были миллионы людей — от рабов до высших чиновников государства. Много христиан было и при дворе в Никомедии. Однако в 303 г. Диоклетиан под влиянием своего зятя Галерия, грубого и

189

суеверного язычника, решил уничтожить христианскую церковь. Начались самые страшные гонения на новую религию за всю историю Империи. Тысячи и тысячи людей были зверски замучены за одну принадлежность к церкви. Именно в этот момент юный Константин оказался в Никомедии и был свидетелем этой вакханалии убийств, вызвавшей в нём скорбь и сожаления. Воспитанный в обстановке веротерпимости, Константин не понимал политики Диоклетиана. Сам Константин продолжал чтить Митру-Солнце, и все его помыслы были направлены на то, чтобы укрепить своё положение в той сложной обстановке и найти дорогу к власти.

В 305 г. император Диоклетиан и его соправитель Максимиан Герукий, утомлённые политикой, отреклись от власти. На востоке Империи власть перешла к Галерию, а на западе — к Констанцию Хлору и Максенцию. Констанций Хлор был уже тяжело болен и просил Галерия отпустить его сына Константина из Никомедии, но Галерий оттягивал решение, опасаясь соперника. Только через год Константину, наконец, удалось получить согласие Галерия на отъезд. Смертельно больной отец благословил сына и передал ему командование войсками в Галлии.

В 311 г. страдающий неизвестным недугом Галерий решил прекратить гонения на христиан. Видимо, он подозревал, что его болезнь — «месть бога христиан». Поэтому он позволил христианам «свободно собираться на свои сходки» и «возносить молитвы о безопасности императора». Через несколько недель Галерий умер; при его преемниках гонения на христиан возобновились, правда, в меньших размерах.

Максенций и Лициний были двумя августами, а Константин провозглашён сенатом главным августом. На следующий год на западе Империи началась война между Константином и Максенцием, поскольку Максенций претендовал на то, чтобы стать единоличным правителем. Лициний примкнул к Константину. Из 100-тысячного войска, расквартированного в Галлии и находящегося в распоряжении Константина, он смог выделить только четвёр-

Константин Великий.
Бронза. 330 г. н. э. Рим.

тую часть, а у Максенция было 170 тыс. пехоты и 18 тыс. конницы. Поход Константина на Рим начинался, таким образом, в неблагоприятных для него условиях. Языческим богам были принесены жертвы с целью вопрошения о будущем; предсказания были плохими. Осенью 312 г. небольшая армия Константина подошла к Риму. Константин как бы бросал вызов «вечному городу» — всё было против него. Именно в это время религиозному цезарю стали являться видения, укрепившие его дух. Сначала он увидел во сне в восточной части неба огромный огненный крест. А вскоре ему явились ангелы, говорящие: «Константин, сим победишь». Вдохновлённый этим, цезарь приказал начертать на щитах солдат знак имени Христа. Дальнейшие события подтвердили видения императора.

Повелитель Рима Максенций не покидал города, получив предсказание оракула, что погибнет, если выйдет за ворота Рима. Войной командовали его полководцы, и она развивалась успешно, учитывая огромный численный перевес. Роковым днём для Максенция стала годовщина получения им власти — 28 октября. Сражение вспыхнуло под стенами города, и солдаты Максенция имели явный перевес и лучшую стратегическую позицию, но события как бы подтверждают пословицу: «Кого Бог хочет наказать, того он лишает разума». Внезапно Максенций решил обратиться за советом к «Сивиллиным книгам» (сборник изречений и предсказаний, служивший для официальных гаданий в Древнем Риме) и прочёл предсказание, что в этот день погибнет враг римлян. Воодушевлённый этим предсказанием, Максенций покинул город и появился на поле боя. При переходе Мульвинского моста возле Рима мост обрушился за спиной императора; войска Максенция охватила паника, они бросились бежать. Сдавленный толпой, император упал в Тибр и утонул. Даже язычники видели в неожиданной победе Константина чудо. Сам же он, конечно, не сомневался, что обязан своей победой Христу. Именно с этого момента Константин стал считать себя христианином, однако крещения пока не принимал. Император понимал, что укрепление его

власти неизбежно будет связано с поступками, противоречащими христианской нравственности, и поэтому не спешил. Быстрое принятие христианской веры могло не понравиться язычникам, которых было особенно

много в армии. Таким образом, сложилась странная ситуация, когда во главе империи стоял христианин, формально не являющийся членом церкви, потому что пришёл он к вере не через поиски истины, а как император (кесарь), ищущий Бога, защищающего и освящающего его власть. Это двусмысленное положение впоследствии стало источником многих проблем и противоречий, но пока, в начале своего правления, Константин, как и христиане, испытывал воодушевление. Отражением этого является Миланский эдикт о веротерпимости, составленный в 313 г. императором Запада Константином и императором Востока (преемником Галерия) Лицинием. Этот закон существенно отличался от указа Галерия 311 г., к тому же плохо исполнявшегося.

Миланский эдикт провозглашал веротерпимость: «Свободы в религии стеснять не должно, напротив, нужно предоставить право заботиться о Божественных предметах уму и сердцу каждого, по собственному его произволению». Это был очень смелый шаг, имевший огромное значение. Провозглашённая императором Константином религиозная свобода надолго осталась мечтой человечества. Сам же император впоследствии не раз изменял этому принципу. Эдикт предоставлял христианам право распространять своё учение и обращать новых членов в свою веру. До сих пор это им было запрещено как «иудейской секте» (обращение в иудаизм по римским законам каралось смертью). Константин приказал вернуть христианам всё имущество, конфискованное во время преследований.

Хотя в период правления Константина провозглашённое им равноправие язычества и христианства соблюдалось (император разрешал родовой культ Флавиев и даже строительство храма «своему божеству»), все симпатии власти были, конечно, на стороне новой религии, и Рим украсила статуя Константина с поднятой для крестного знамения правой рукой.

Император внимательно следил за тем, чтобы христианская церковь обладала всеми привилегиями, которыми пользовались языческие жрецы (например, освобождение от казённых повинностей). Более того, вскоре епископам дали право юрисдикции (ведения суда, судопроизводства) в гражданских делах, право отпускать рабов на свободу; тем самым христиане получили как бы свой собственный суд. Через 10 лет после принятия Миланского эдикта христианам было разрешено не участвовать в языческих празднествах. Таким образом, новое значение церкви в жизни Империи получило юридическое закрепление почти во всех областях жизни.

Политическая жизнь Римской империи между тем шла своим чередом. В 313 г. Лициний и Константин остались единственными властителями Рима. Уже в 314 г. Константин и Лициний вступили в борьбу между собой; император-христианин победил в двух сражениях и добился присоединения к своим владениям почти всего Балканского полуострова, а ещё через 10 лет между двумя соперничающими владыками произошло решающее сражение. У Константина было 120 тыс. пехоты и конницы и 200 небольших судов, а у Лициния — 150 тыс. пехоты, 15 тыс. конницы и 350 больших трёхвёсельных галер. Тем не менее войско Лициния было разбито в сухопутном бою под Адрианоподем, а сын Константина Крисп разгромил флот Лициния в Геллеспонте (Дарданеллах). После ещё одного поражения Лициний сдался в плен. Победитель обещал ему жизнь в обмен на отречение от власти. Однако драма на этом не закончилась. Лициний был выслан в Фессалоники и через год казнён. В 326 г. по приказу Константина был убит и его десятилетний сын, Лициний Младший, несмотря на то что его мать, Констанция, была сводной сестрой Константина.

Одновременно с этим император повелел убить и своего родного сына Криспа. Причины этого неизвестны. Одни современники считали, что сын участвовал в каком-то заговоре против отца, другие — что его оклеветала вторая жена императора, Фауста (Крисп был сыном Константина от первого брака), стремясь расчистить дорогу к власти для своих детей. Через несколько лет погибла и она, заподозренная императором в нарушении супружеской верности.

Несмотря на кровавые события во дворце, римляне любили Константина — он был сильным, красивым, вежливым, общительным, любил юмор и отлично владел собой. В детстве Константин не получил хорошего образования, но образованных людей уважал.

Внутренняя политика Константина заключалась в постепенном содействии превращению рабов в зависимых крестьян — колонов (одновременно с ростом зависимости и свободных крестьян), укреплении государственного аппарата и увеличении налогов, в широком предоставлении сенаторского звания богатым провинциалам — всё это усиливало его власть. Император распустил преторианскую гвардию, справедливо считая её источником внутривластных заговоров. К службе в армии широко привлекались варвары — скифы, германцы. При дворе было очень много франков, и Константин первым стал назначать варваров консулами. Однако в Риме император чувствовал себя неуютно и в 330 г. основал новую столицу государства

— «Новый Рим» — на месте торгового греческого города Византия, на европейском берегу пролива Босфор. Через некоторое время новая столица стала называться Константинополем. С годами Константин всё больше и больше тяготел к роскоши, и его двор в новой (восточной) столице был очень похож на двор восточного владыки. Император одевался в пёстрые шёлковые, расшитые золотом одежды, носил накладные волосы и ходил в золотых браслетах и ожерельях.

В целом 25-летнее правление Константина I

191

проходило мирно, если не считать начавшейся именно при нём церковной смуты. Причиной этой смуты кроме религиозно-богословских споров было то, что взаимоотношения императорской власти (кесаря) и церкви оставались невыясненными. Пока императором был язычник, христиане решительно защищали свою внутреннюю свободу от посягательств, но с победой императора-христианина (пусть пока и не принявшего крещения) ситуация принципиально менялась. По традиции Римской империи именно глава государства был верховным арбитром во всех, в том числе и религиозных, спорах.

Первым событием был раскол в христианской церкви Африки. Часть верующих были недовольны новым епископом, так как считали его связанным с теми, кто отрёкся от веры в период гонений при Диоклетиане. Они выбрали себе другого епископа — Доната (их стали называть донатистами), отказались подчиняться церковным властям и обратились к суду кесаря. «Какое безумие требовать суда от человека, который сам ожидает суда Христова!» — воскликнул Константин. Действительно, ведь он даже не был крещён. Тем не менее, желая мира для церкви, император согласился выступить в роли судьи. Выслушав обе стороны, он решил, что донатисты не правы, и тут же проявил свою власть: их вожди были отправлены в изгнание, а имущество церкви донатистов конфисковано. Это вмешательство власти во внутрицерковный спор противоречило духу Миланского эдикта о веротерпимости, однако было воспринято всеми как совершенно естественное. Ни епископы, ни народ не возражали. Да и сами донатисты, жертвы гонений, не сомневались в праве Константина судить этот спор — они лишь требовали, чтобы гонения обрушились на их противников. Раскол породил взаимное озлобление, а гонения — фанатизм, и по-настоящему мир в африканскую церковь придёт ещё не скоро. Ослабленная внутренними смутами, эта провинция через несколько десятилетий стала лёгкой добычей вандалов.

Но самый серьёзный раскол произошёл на востоке Империи в связи со спором с арианами. Ещё в 318 г. в Александрии возник спор между епископом Александром и его диаконом Арием о личности Христа. Очень быстро в этот спор оказались втянуты все восточные христиане. Когда в 324 г. Константин присоединил восточную часть Империи, он столкнулся с ситуацией, близкой к расколу, что не могло его не удручать, поскольку и как христианин, и как император он страстно желал церковного единства. «Верните мне мирные дни и спокойные ночи, чтобы я, наконец, нашёл утешение в чистом свете» (т. е. — единой церкви), — писал он. Для решения этого вопроса он созвал собор епископов, который состоялся в Никее в 325 г. (I Вселенский — Никейский собор 325 г.).

Прибывших 318 епископов Константин принял торжественно и с большим почётом в своём дворце. Многие епископы были жертвами гонений Диоклетиана и Галерия, и Константин со слезами на глазах смотрел на их увечья и шрамы. Протоколы I Вселенского собора не сохранились. Известно лишь, что он осудил Ария как еретика и торжественно провозгласил, что Христос единосущен Богу-Отцу. Собор проходил под председательством императора и решил ещё несколько вопросов, связанных с богослужением. В целом для всей империи это было, конечно, торжеством христианства. Гонимые, преследуемые, не имевшие другого оружия, кроме молитвы, христиане победили в трёхвековой борьбе самую сильную державу мира.

В 326 г. мать Константина Елена совершила паломничество в Иерусалим, где был найден крест Иисуса Христа. По её инициативе крест подняли и медленно поворачивали на четыре стороны света, как бы посвящая Христу весь мир. Христианство победило. Но до мира было ещё очень далеко. Придворные епископы, и прежде всего Евсевий Кесарийский, были друзьями Ария. На соборе в Никее они согласились с его осуждением, видя настроения подавляющего большинства епископов, но потом пытались убедить императора в том, что Арий осуждён ошибочно. Константин (всё ещё не принявший крещения!), конечно, прислушивался к их мнению и

поэтому вернул Ария из ссылки и предписал, вновь применяя свою императорскую власть, принять его обратно в лоно церкви (этого не произошло, т. к. Арий умер по дороге в Египет). Всех непримиримых противников Ария и сторонников Никейского собора, и прежде всего нового александрийского епископа Афанасия, он отправил в ссылку. Это происходило в 330—335 гг.

Вмешательство Константина привело к тому, что арианский раскол растянулся почти на весь IV век и изжит был только в 381 г. на II Вселенском соборе (Константинопольский собор 381 г.), но это случилось уже после смерти императора. В 337 г. Константин почувствовал приближение смерти. Всю жизнь он мечтал креститься в водах Иордана, но политические дела мешали этому. Теперь, на смертном одре, больше откладывать было нельзя, и перед смертью его крестил всё тот же Евсевий Кесарийский. 22 мая 337 г. император Константин I скончался в Аквирионском дворце, близ Никомедии, оставив трёх наследников. Прах его погребён в Апостольской церкви в Константинополе. Церковные историки нарекли Константина Великим и провозгласили его образцом христианина.

Значение Константина I Великого огромно. По сути с него началась новая эпоха и в жизни христианской церкви, и в истории человечества, получившая название «эпоха Константина», — период сложный и противоречивый. Константин первым из кесарей осознал всё величие и всю сложность сочетания христианской веры и политической власти, первым попытался осознать свою власть как христианское служение людям, но при этом неизбежно действовал в духе политических традиций и нравов своего времени. Константин дал христианской церкви свободу, выпустив её из подполья, и за это был назван равноапостольным, но при этом он слишком часто считал себя арбитром в церков-

192

ных спорах, подчиняя тем самым церковь государству. Именно Константин первым провозгласил высокие принципы веротерпимости и гуманизма, но не смог их претворить в жизнь. Начавшаяся дальше «тысячелетняя» «эпоха Константина» будет нести на себе все эти противоречия её основателя.